

Феофилакта Симокатты и его предшественников (Прокопия Кесарийского, Агафия Миринейского). Евагрий изображает церковную смуту практически в том же ключе, в каком описывают мирские конфликты светские историки, только у него роль героя выполняет священник, а роль противостоящей ему толпы – паства. Равным образом он связывает причины смуты с дурной и порочной человеческой природой, присущей как индивиду (честолюбие и зависть), так и толпе (мятежность и непостоянство).

В хрониках отбор и презентация фактов определяются не идеологическими соображениями, а в большинстве случаев влиянием используемых источников, по преимуществу сирийских у Иоанна Антиохийского и константинопольских в «Пасхальной хронике». Множественность источников информации никак не компенсируется каким-либо стремлением к концептуальному или нарративному единству рассказа. Отсутствие ведущей темы превращает изображаемую хронистами историю в неупорядоченную череду событий, связанных не каузально, а лишь хронологически. В таком контексте «мятежная» информация приобретает известную степень автономности и случайности. В «Пасхальной хронике» сообщения о социально-политических конфликтах редки, и значительное пространство текста, отведенное под описание восстания Ника, является тем исключением, которое подтверждает правило. Большой интерес к социально-политической борьбе проявляет Иоанн Антиохийский, однако у него, как типичного представителя антиохийской историографии, этот интерес концентрируется преимущественно на теме факционных конфликтов цирковых партий.

О СВЯЗИ НАУЧНЫХ ТЕОРИЙ И СТЕРЕОТИПОВ ВОСПРИЯТИЯ В СОВРЕМЕННОМ АМЕРИКАНСКОМ РОССИЕВЕДЕНИИ

Е. В. Лаптева

Пермский государственный педагогический университет

Взаимодействие культур Запада и Востока на протяжении длительного времени порождало немало легенд. Мифологизация реальности была связана со многими причинами, главными из которых были особенности национальной психологии и стереотипы восприятия, имеющиеся у наблюдателя (исследователя). Данное положение полностью распространя-

ется на взаимодействие национальных культур, в том числе культур США и России. Это также касается не только прошлого, но и настоящего. Стереотипы восприятия, отраженные в работах исследователей, критиков, комментаторов, многообразны, механизм их формирования сложен. С помощью стереотипов восприятия идет мифологизация национального сознания.

В конце XX в. вопрос о стереотипах восприятия возник с особенной остротой в связи с распространением на Западе точки зрения об абсолютной противоположности западного и восточного типов мышления. К восточному типу часто относили Россию. В качестве доказательств выдвигалась эмоциональная сущность русской души, загадочность русской натуры, алогичность мышления, отсутствие рациональности и т. д. В основе подобного мировоззрения были глубоко спрятанные стереотипы обыденного сознания, возникающие у всех западных путешественников в Россию. Мифы и стереотипы восприятия укрепляются в западном сознании, оформляясь в виде утверждения «чуждый», «отличный от нашего», следовательно, отсталый.

В более поздний период оформляются научные стереотипы, абстрагированные от основных научных теорий и концепций. Сегодня они играют важную роль в оценочных суждениях западных исследователей. Наиболее характерными в современном западном руссееведении являются работы американских авторов. Развитие современного американского руссееведения за период после окончания Второй мировой войны претерпело значительные изменения. Закрытость советского общества, недоступность для анализа достаточного количества материала порождали ошибки, неточности и догадки.

В период, предшествующий началу 1990-х гг., формирование западных научных стереотипов подогревалось советской пропагандистской машиной, которая не только не воспринимала западные обществоведческие теории, но и априори признавала их лженаучными и вредными

Идеологические и политические разногласия России и США, атмосфера враждебности, присутствующая в отношениях двух великих держав на протяжении десятков лет, вызвали в западном руссееведении появление ряда особых научных теорий. Одной из таких теорий является *теория закрытости советского и российского общества*, связанная с алогичным стереотипом восприятия. Этот стереотип отражен почти во всех работах американского руссееведения и является одним из основных стереотипов восприятия образа нашей страны. Закрытость российского общества проявляется в повседневном поведении людей, по мнению многих западных исследователей. В их понимании закрытость советского и российского общества была вызвана не только национальными особен-

ностями характера, но и конкретной политикой правительства, стремившегося оградить существование отсталого режима с помощью системы запретов. Западный стереотип восприятия нашей страны как закрытой и замкнутой был значительно поколеблен во времена перестройки: бытовая его сторона практически исчезла, но уверенность в закрытости российской политики осталась.

Тесно связанным со стереотипом закрытости страны и россиян является стереотип *подцензурности* нашего общества. Этот стереотип является второстепенным. Имеется и особая теория подцензурности советской культуры. Согласно данной теории одним из инструментов запрета была цензура. Исследованию российской и советской цензуры (которую в области культуры многие западные исследователи воспринимают как соцреализм) посвящено достаточно много работ. Российская цензура в западной исторической литературе представлена как отдельными монографиями («Красный карандаш»), так и разделами в различного рода западных исследованиях. Вся российская культура подцензурна – подобное утверждение сквозит во многих работах западных ученых, и это, по их мнению, обеспечивает ее своеобразие. Цензура, тесно связанная с официальной идеологией, была призвана, по мнению американских исследователей, поддерживать законность партии и правительства и их официальную линию, пресекая распространение «опасной» информации. В открытой дискуссии на страницах книги «Красный карандаш» они признали цензуру наиболее важным символом культурной жизни СССР. Интересен факт, что, несмотря на то, что цензура в России не исчезла вместе с падением коммунистического режима (это реалии сохранения научных технологий и политической жизни), интерес западных исследователей к российской цензуре в постсоветский период угас. Цензура воспринималась в основном как детище коммунистического режима, оплот идеологии. Стереотипное восприятие российской цензуры как тормоза развития страны и цепей на культурной и духовной жизни господствовало достаточно долго – до конца 1980-х гг. и вполне укладывалось в отрицательный образ советского государства, основанный на теории тоталитаризма.

С точки зрения западных исследователей, господство официальной идеологии, цензуры и тотальный авторитаризм российского государства послужили залогом отсталости развития России во все времена. Эта точка зрения также является стереотипной в американской россике. Стереотип *отсталости* является одним из основных в американском россиеведении. Уверенность в отсталости Российского государства основывалась на чувстве отличия от западного мира, и в качестве доказательства отсталости западные аналитики приводили такую характеристику России, как антизападную направленность. Попытки найти и доказать наличие рус-

ского антизападничества присутствуют во многих работах американских и английских историков, политологов, культурологов начиная с 1940-х гг. Корни российского антизападничества лежат, по мнению большинства комментаторов, в споре западников и славянофилов XIX в. Взгляды многих современных американских исследователей российской действительности, заявляющих об активной антизападной позиции России, укладываются в известную теорию конвергенции. Интересную точку зрения высказывает Т. Мак-Даниел: возможно, русская антизападная направленность возникает потому, считает он, что русские определяют себя только в противопоставлении кому-либо еще, что является признаком отсутствия крепкой культурной истории. Идея культурного заимствования является второстепенным стереотипным явлением и связана со стереотипом отсталости.

Пытаясь исследовать российские антизападные традиции и обосновать идею российской отсталости, проводя идею о культурном заимствовании Россией чужих моделей, американские исследователи проводят параллели между Россией, Востоком и Азией. Причем, чтобы достаточно ярко подчеркнуть отсталость России вследствие ее отказа от западной модели развития, подобное сравнение ведется в основном со средневековыми восточными государствами. Исследователи видят в антизападности России давние византийские традиции. Они также часто сравнивают закрытую Россию с изоляцией Японии эпохи Мейдзи, императорским Китаем, османской Турцией. С небольшими изменениями этот тезис кочует из работы в работу на протяжении всего периода существования американского руссиеведения, включая и настоящее время.

Отказ от тесного сотрудничества с Западом и копирования западной культурной модели является, с точки зрения западных руссиеведов, показателем *русского консерватизма*. Стереотипное восприятие русского общества и культуры как консервативных – один из основных в американском руссиеведении. Уверенность в несомненном консерватизме России не только в культурной, но и в политической и экономической областях – распространенная среди западных исследователей точка зрения. Русский культурный консерватизм, по мнению большинства западных исследователей, был тесно взаимосвязан с идеологией славянофильства. М. Фридберг считал, что связанная с идеями славянофилов тенденция к культурной изоляции от Запада привела к появлению и трансформации национал-большевизма в русский национализм и политический консерватизм, который был популярен среди определенных групп населения.

Одним из основных является стереотип восприятия России как страны, уверенной в своей уникальности, избранности и мессианской роли. Западные исследователи склонны считать, что Россия чересчур сосредоточена на своей уникальности и мировой роли. Русская вера в мессианскую

роль России раздражает Запад. И в образе России, сложившемся на Западе, стереотип *русского мессианства* весьма распространен. Западная критика российского мессианства занимает значительное место в исследованиях русистов. Жаль, что там нет достойного отражения теории американской исключительности или европоцентризма.

Вера в собственную уникальность России рождает нездоровый национализм, переходящий в русский великодержавный шовинизм, считают многие американские авторы. Среди исследователей очень распространена теория *русского национализма*, тесно связанная с тоталитарным направлением в американской советологии. Стереотипное восприятие нашей страны, общества и культуры как глубоко националистичных является одним из второстепенных стереотипов. Оно тесно связано с основным стереотипом российского мессианства. Американские исследователи считают, что сосредоточение на собственном национальном прошлом, гордость за культурное наследие, охрана русского языка, равно как и некоторые другие традиции, приобретенные в советское время, ведут к развитию русского национализма. Образ русского человека как яркого националиста – распространенный стереотип в западной научной мысли. В американской русистике есть много работ, затрагивающих проблему русского национализма. Такими работами, в частности, являются «Русская культура в 1980-е гг.» М. Фридберга, «Долгая дорога к свободе» В. Лакера и др. В 1980 г. вышел в свет сборник работ американских политологов, историков, культурологов, специалистов по России, где обсуждались проблемы национализма и русского этноса. Многие авторы, участвующие в дискуссии на страницах сборника, считают преувеличенный русский национализм не изначальной чертой русских, а благоприобретенной в советские времена. Дискуссия на страницах монографии выявила дилемму, на которую обратили внимание западные исследователи. Она в основном прошла мимо внимания наших отечественных авторов: партия и правительство в советский период, и особенно активно с 1970-х гг., поощряло развитие русского национализма и увлечение русским прошлым как панацеей от увлечения социальной критикой, но критиковали националистов за отказ от марксизма-ленинизма, зовущего отойти от прошлого.

Интересна попытка дать прогноз развитию русского национализма, сделанная в 1980-е гг. По мнению М. Фридберга, русский национализм будет распространяться на все славянские земли, и этот факт является своеобразным протестом на рост тюркского населения внутри России. Параллельно с развитием национализма, по мнению этого автора, будут расти этноцентристские, патриархальные тенденции в российском обществе. На сегодняшний день активный национализм является одной из основных черт русского народа в глазах западных исследователей. Про-

гноз в отношении развития русского национализма на протяжении всего периода изучения остается неизменным: исследователи предрекают его увеличение; вначале – как реакцию на чрезмерный интернационализм советского режима, затем – как следствие роста тюркского населения внутри страны и увеличение значения ислама на российской территории. Если следовать этой логике, русский национализм будет расти как защитная функция русского этноса, вплоть до крайних его проявлений. Точку зрения, характерную для начала 2000-х гг., высказали руссиеведы Д. Ергин и Т. Густаффсон. Они считают, что русский национализм – это своего рода попытка защиты от вторжения извне (в том числе и от демократических изменений), охрана национальных приоритетов, и, несмотря на это, демократия в России возможна, равно как и отказ от имперских амбиций.

Многие вышеперечисленные черты, которыми обладает русский человек и Россия в целом, по мнению большинства американских исследователей, обуславливаются влиянием сильной центральной власти. Стереотипное восприятие русского общества и культуры как тяготеющих к сильному государству и центральной власти является одним из основных положений в американской русистике. Авторитаризм нашего государства на различных отрезках его развития становится одним из наиболее излюбленных предметов исследования в западной и особенно в американской советологии. В послевоенный период появляется ряд научных теорий, отражающих стереотипное представление о России как об авторитарной державе с народом, обладающим неискоренимой тягой к покорности. К подобным теориям относятся, в частности, теория тоталитаризма, русского консерватизма, теория элиты и др., развитые в американской советологии. Кстати, приверженность коренного россиянина сильной центральной власти далеко не отрицается самими русскими; здесь точки зрения западных коллег и отечественных ученых вполне совпадают, но если в западном сознании, взращенном на традициях индивидуализма, сильная авторитарная власть представляется врагом личности, индивида, то русские воспринимают ее скорее как гарантию защиты, хотя в области культуры в советские времена эта традиция подчинения авторитарной власти сыграла далеко не лучшую роль.

Русская тяга к покорности в западном сознании вполне мирно соседствует с представлением об изначальной жестокости русского человека, русской истории и России как жестоком государстве в целом. Стереотип жестокости российского государства, общества и человека является одним из основных и распространенных в американской русистике. Западные наблюдатели объясняют русскую жестокость (отдельного человека) безразличием к произведенному впечатлению.

Тесно связанным с основным стереотипом жестокости и второстепенным является стереотипное *восприятие русского человека как склонного к страданию*, распространенное в западной литературе. Русские привыкли к страданию и даже способны наслаждаться им, считают многие американские исследователи. Скорее всего этот тезис строится на основании известных на западе произведений Ф. Достоевского. Склонность к страданию считают еще одним аргументом в пользу отнесения России к сонму азиатских держав.

Еще одна устоявшаяся точка зрения в американской русистике на русского человека – восприятие его как *стойкого пессимиста*. Этот стереотип является также второстепенным, связанным со стереотипом жестокости, и присутствует во многих трудах западного руссиеведения. Русский пессимизм связывают также с такой типично азиатской чертой в глазах западных комментаторов, как фатальность, покорность судьбе. На основании изложенного еще раз подтверждается тезис западного руссиеведения о принадлежности России к Азии, Востоку. Современный пессимизм, принятый в нашем обществе, западные авторы объясняют разочарованием в политических переменах и трудным экономическим положением России.

Великие сомнения, пессимизм и разочарования русских объясняются еще и тем, по мнению американских исследователей, что Россия слишком долгий период времени находилась в состоянии неизменности. *Монотонность жизни России, ее традиционализм и приверженность к старым ценностям* являются в глазах западных исследователей важной характеристикой России.

Главную роль в распространении стереотипов на Западе играют произведения специалистов-руссиеведов, путешественников, журналистов, а также пресса. Стереотипы, сложившиеся на Западе, и в частности в США, в обыденном сознании и в научной мысли проливают новый свет на Россию и русский национальный характер. Данные стереотипы складывались на протяжении длительного отрезка времени, и в настоящее время, несмотря на глубокие перемены, происходящие в России, обнаружили тенденцию к слабому изменению. Среди западных стереотипов восприятия России и ее культуры следует, по мнению автора, выделить стереотипы обыденного сознания и научные, связанные с основными научными теориями и концепциями руссиеведения. Следует сказать, что и не все научные стереотипы восприятия равнозначны: по мнению автора, их можно разделить по крайней мере на две подгруппы, которые автор назвал *основной* и *второстепенной*. К основной группе стереотипов относятся прочно сложившиеся мнения, которые носят категоричный характер, характер выводов. В большинстве случаев эти выводы являются результатом опы-

та поколений; они часто тесно связаны со стереотипами обыденного сознания. Второстепенные стереотипы, с точки зрения автора, в основном носят зависимый характер, они связаны и объясняются основными и возникают, как правило, в более поздний период, вслед за основными. Это видно из логики изложения мысли в работах западных руссиеведов.

Существующие на сегодняшний день стереотипы восприятия в американском руссиеведении являются также и качественным показателем самой западной цивилизации, ибо построены на противопоставлении. Россия и русское общество воспринимается в дихотомии Восток – Запад, где к Востоку (а точнее, в западных терминах, к Азии) относится Россия. Западные исследователи в первую очередь подбирают для анализа и высвечивают комплекс черт, характеризующих страну и русский национальный характер как совершенно отличающиеся от западных. Это утверждение касается всех работ, посвященных исследованию российского общества и культуры. Стремление к взаимоисключающим ценностям, нерациональность, отказ от западного индивидуализма в обществе воспринимается как признак отсталости. Многие работы американского руссиеведения построены по принципу отбора характеристик, дающих возможность сделать безусловный вывод о принадлежности России к Азии и отсталому обществу.

Нужно заметить, что тенденция сугубо критического подхода к оценке событий жизни российского общества в американских исследованиях в настоящее время сокращается. Со смертью тоталитарной системы в СССР и переходом России к строительству демократического общества, обращению к западному опыту значительно уменьшилось поле для критики. Западное руссиеведение значительно сократилось в количественном отношении, в нем остались в основном квалифицированные кадры. Их оценки в работах, появившихся после 1995 г., носят осторожный характер, а выводы часто сводятся к ряду рекомендаций. Среди таких рекомендаций существует одна основная: Россия должна брать пример с Запада, и только в этом случае ей удастся избавиться от остатков позорного прошлого и достичь успехов в политическом, экономическом и культурном развитии.

Стереотипы восприятия, сложившиеся в западном и в том числе американском руссиеведении являются не только показателем состояния науки, но и служат доказательством влияния в западном обществе теорий американской исключительности и европоцентризма. Они сами по себе могут являться предметом пристального изучения, которое позволит во многом преодолеть границу непонимания, сложившуюся между отечественной и западной исторической наукой, и укрепить процесс культурного взаимодействия.